

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск XIII

Серия историческая, № 1

Л. Р. КЫЗЛАСОВ,
доктор исторических наук

НИЗАМИ О ДРЕВНЕХАКАССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Кажется никто из исторических деятелей мира не приобрел столь широкой известности в последующие века, как знаменитый «завоеватель вселенной» Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.). В течение всего средневековья, как в западных, так и в восточных странах, о нем было создано бесчисленное количество легенд и преданий, написано много романов и повестей, сложено огромное число стихов и поэм. Александр в равной степени оказался популярным героем как мусульманской, так и христианской разноязычной светской и духовной литературы. Ему приписывались необыкновенные подвиги и легендарные, часто фантастические походы, в разные страны света и притом в различные периоды времени.¹

Но особое значение, естественно, этот образ полководца, завоевателя древних азиатских стран и народов от Малой Азии и до Индии, получил в восточной героической литературе, где широко распространены были повествования о подвигах знаменитого Искендера, называемого иногда Двурогим².

¹ См. А. П. Веселовский. Из истории романа и повести. Материалы и исследования, вып. I, СПб, 1886; В. Истрин. Александрия русских хронографов. Исследование и текст, М., 1893; его же. История сербской «Александрии». «Летопись историко-филологического общества при Поворосийском университете», вып. XVI, 1910; А. В. Банк. Моллидовул с изображением полета Александра Македонского на небо. Труды отдела истории культуры и искусства Востока Гос. Эрмитажа, т. III, Л., 1940; А. П. Окладников. Первые известия об археологических памятниках нижнего Амура. «Известия Всесоюзного географического общества», т. 87, № 4, 1955; «Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века», М.—Л., 1966.

² Е. Э. Бертельс. Роман об Александре и его главные версии на Востоке, М.—Л., 1948. Александру посвящены выдающиеся творения Фирдоуси (X—XI вв.) «Шах-намэ», Джамии (XV в.) «Книга мудрости Искендеровой», Навои (XV в.) «Вал Искендера», Ахмада Руми «Искендер-намэ». Традиция сохранилась вплоть до современности — см. А. Кунабаев. «Искендер» (в книге: «Абай. Стихотворения и поэмы», М.—Л., 1966, стр. 241).

Среди крупнейших памятников культуры средневекового Востока достойное место занимает замечательное поэтическое творение великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви (1141—1203 гг.) «Искендер-намэ» — «Книга об Александре», завершенная поэтом между 1198—1203 гг. «Искендер-намэ» состоит из двух книг: «Шараф-намэ (Книга славы)» и «Игбал-намэ (Книга счастья)».

В блестящем художественном воплощении излагается наиболее полная версия древнего сюжета о чудесных подвигах и необыкновенных войнах Искендера в далеких чужеземных странах. Неожиданным является, что Низами в этом произведении воспел благословенную «страну Хирхиз» в верховьях Енисея, придав ей черты утопического государства всеобщего благоденствия, равенства, братства и счастья.

Эту социальную утопию Низами уже отметили литературоведы³, но она до сих пор не была замечена и оценена историками.⁴ Даже такой крупный знаток средневековых мусульманских источников как академик В. В. Бартольд, в трудах которого имеются ссылки на отдельные места «Искендер-намэ» и который, к тому же, является автором сводного исторического очерка «Киргизы»⁵, нигде не использовал этого чрезвычайного факта.

В «Шараф-намэ» киргизы упоминаются лишь однажды в качестве сильного народа, у которого, наряду с правителями Ферганы, Ташкентского и Кашгарского ханств, «китайский хакан» просил военной помощи, услышав о походе на него Искендера:

Исфиджаба войска и Ферганской долины
Пограничные слали ему властелины.
И хырхызы к хакану и Чач и Кашгар
Направляли вождей, чтоб сильней был удар.⁶

³ Мариэтта Шагинян. «Утопия» Низами. Известия АН СССР, отделение литературы и языка, т. VI, вып. 4, М., 1947; Низами. Искендер-намэ. Перевод К. Липскерова, послесловие Л. И. Климовича, М., 1953.

⁴ Впервые см. Л. Р. Қызласов. История Тувы в средние века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, Изд-во МГУ, 1966, стр. 24.

⁵ В. В. Бартольд. Киргизы, Фрунзе, 1927.

⁶ Использую довольно точный поэтический перевод К. Липскерова опубликованный дважды: Низами. Искендер-намэ. Перевод К. Липскерова, М., 1953, стр. 306 и Низами Гянджеви. Искендер-намэ, I—II, перевод К. Липскерова, Баку, 1953 (Далее ссылки даю лишь на московское издание); М. Шагинян (Ук. соч.) использовала буквальный подстрочный перевод А. К. Арендса, которым воспользовался и К. Липскеров.

Основной рассказ о походе Искендера в «город счастливых», где ему, наконец, открылось подлинная истина праведной жизни, излагается в «Игбал-намэ». Завершив поход в Индию и испытав много различных приключений, Искендер прибывает в Китай, а оттуда направляется в «страну Хирхиз» на далекий север:

В песьи дни, воздымавшие облако пара,
В дни, когда даже камни смягчались от жара,—
Царь, в бессонных мечтаньях влекомый в Хирхиз,
Все не спал под мерцаньем полуночных риз.
Он решил приказать снова двинуться стану.
В час прощанья с хаканом вручил он хакану
Много ценных даров. И направил он рать
На безводной пустыни песчаную гладь.
В барабан громкой славы забил он, вступая
В дальний Северный край из Восточного края⁷.

Далее излагается географически точное описание маршрута из западной части Китая на Енисей, лишь в небольшой степени украшенное поэтическими гиперболами. Целый месяц с большими трудностями войско переходило большую пустыню (очевидно, Гоби) и, наконец, пришло к плодородному краю, где находились высокие горы (видимо, Алтай), за которыми лежала широкая степная равнина (очевидно, Западно-Сибирская низменность), населенная волосатыми дикарями, называемыми яджуджами.

Так как горцы-скотоводы жаловались на постоянные грабежи и набеги со стороны яджуджей, то Искендер для их защиты от дикарей построил длинный «невиданный вал». Здесь мы имеем дело, вероятно, с литературным отражением сведений о реально существовавшей длинной оборонительной стене, построенной уйгурами в VIII—IX вв. в Туве⁸. Сооружение этой наиболее северной из всех известных длинных стен и приписано, вероятно, в поэме Александру Македонскому.

Месяц спустя, после строительства вала, Искендер отправился дальше на север (от Алтая и Тувы) и, пройдя новые горы

⁷ Низами. Искендер-намэ, М., 1953, стр. 665.

⁸ Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 14; его же. Средневековые города Тувы. «Советская археология», 1959. № 3; его же. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.). «Уч. записки» Тувинского НИИЯЛИ, вып. VIII, Кызыл, 1960; его же. Этапы средневековой истории Тувы. «Вестник Московского университета», серия IX, история, 1964, № 4; М. Шагинян (Ук. соч., стр. 276 и 279) видит в этом «отголосок строительства Китайской стены», что не может быть согласовано ни с маршрутом, ни со временем похода.

и степи (Саяны и южную часть Хакасско-Минусинской котловины), он оказался в счастливой стране:

И открылся им дол, сладким веющий зовом,
Обновляющий души зеленым покровом.
Царь глазами сказал приближенным: «Итти
В путь дальнейший — к подарку благого пути!»
И порядок, минуя и рощи, и пашни,
Встретил он и покой,— здесь, как видно, всегдашний:
Вся дорога в садах, но оград не найти.
Сколько стад! Пастухов же у стад не найти.

И, помчавшись, лугов миновал он простор,
И сады, и ручьев прихотливый узор.
И увидел он город прекрасного края.
Изобильный, красивый,— подобие рая.

Этот маршрут несомненно не вымышлен Низами. Многие характерные детали свидетельствуют о том, что ему были хорошо известны сочинения персидских и арабских географов, подробно описавших, со слов среднеазиатских купцов, караванные пути из Средней Азии и Восточного Туркестана на Енисей в страну древних хакасов (в мусульманских источниках называемых хырхызами или хирхизами)⁹. Но интенсивные торговые связи были установлены лишь после середины IX века, когда в 840—847 гг. хакасам удалось разгромить уйгурское государство, находившееся в 745—840 гг. на современных территориях Тувы и Монголии, и препятствовавшее их связям со Средней Азией и Китаем.

Общеизвестно, что со второй половины IX и особенно в X—XII вв. древнехакасское государство вело оживленную торговлю со Средней Азией, Восточным Туркестаном и даже Афганистаном, что с регулярными торговыми караванами на Енисей прибывали не только мусульманские купцы-посредники, но и послы разных стран, а также ученые путешественники. Согласно их собственным сообщениям, на Енисее побывали географ Абу-Дулаф (X в.) и лингвист-тюрколог - Махмуд Кашгарский (XI в.), описавшие страну и языки населения¹⁰.

⁹ См. в настоящем выпуске «Ученых записок» нашу статью «Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI—XII веков».

¹⁰ Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. «Уч. записки» Хакасского НИИЯЛИ, вып. VIII, Абакан, 1960; его же. История Тувы в средние века, стр. 19—24.

Особенно значительные сведения о древнехакасском государстве содержат анонимное персидское сочинение Худуд-ал-Алам (X в.)¹¹, работа персидского географа XI века Гардизи «Украшение известий» и труды арабских авторов XII века Марвази и ал-Идриси¹². Сведения Гардизи и Марвази до известной степени сходны, ибо, кроме собранных ими оригинальных данных, каждый из них (в том числе и ал-Идриси) многое позаимствовал из недошедшего до нас географического сочинения широко информированного арабского автора ал-Джейхани (X в.), собравшего реальные рассказы послов и торговцев, посетивших Южную Сибирь¹³.

Трудно определенно сказать какими трудами пользовался Низами, воссоздавая реальную обстановку вымышленного похода Искендера на Енисей. В его распоряжении несомненно находились различные источники, из которых он почерпнул свои знания о далекой, но широко известной в средневековой Азии, «стране Хирхиз». Многие черты вышеприведенного маршрута Низами сходны, например, с описанием «пути к киргизам», содержащимся в сочинении Гардизи.

По Гардизи, этот путь начинался «из страны тогузгузов», т. е. из страны уйгуров, находящейся в X—XI вв. уже в Восточном Туркестане. После одного или двух месяцев пути по степям и пустыне, караваны приходили к высоким горам (отроги Алтая), с водными источниками и обширными лесами, наполненными разнообразными пушными животными и антилопами. Далее говорится о переходе к Кӧгмену, как тогда назывались Саянские горы (очевидно, через современную Туву).

Наконец, сообщается: «от Кӧгмена до киргизского стана семь дней пути; дорога идет по степи и лугам, мимо приятных источников и сплетенных между собой деревьев, так что враг не может проникнуть туда; вся дорога подобна саду, до самого стана киргизов. Здесь военный лагерь киргизского хакана, главное и лучшее место в стране». В сочинении Гардизи говорится так-

---

¹¹ V. Minorsky. *Hudud al-'Alam. «The regions of the World» a persian geography.* London, 1937.

¹² В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, СПб., 1897, приложение; В. Храковский. Шараф ал-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках. «Труды сектора востоковедения АН Казахской ССР», т. I, Алма-Ата, 1959; V. Minorsky. *Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India.* London, 1942; P. A. Jaubert. *Geographie D'Edrisi*, t. I, Paris, 1836.

¹³ В. Бартольд. Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 57—58.

же, что где-то севернее «живут дикие люди, ни с кем не имеющие сношений».¹⁴

Ближние сведения, со многими дополнительными подробностями, содержатся в Худуд ал-Алам. Там также сказано, что в этой стране «находится город Кемиджкет, где живет Киргизкаган».¹⁵ Кемиджкет — это «город на Кем», то есть «Енисейский город» (от «Ким» или «Кем» — Енисей по-хакасски и «кет» — город по-персидски). Ал-Идриси же пишет о четырех городах «страны киргизов». Они большие, «окруженные стенами и фортификационными сооружениями и обитаемые трудолюбивыми, храбрыми и мужественными народами».¹⁶

Следует указать, что все основные факты о хозяйственных и культурно-бытовых особенностях страны древних хакасов, которые сообщаются в поэме Низами, совершенно реальны для периода расцвета древнехакасского государства в X—XII вв.

Они полностью соответствуют современным данным нашей исторической науки о государстве древних хакасов, основанным не только на различных письменных источниках, но и на обширных археологических материалах¹⁷.

По Низами, как и было в действительности, это страна не только горожан, ремесленников и купцов, но и страна скотоводов, имеющих огромные стада овец, коров и быков; страна земледельцев и садоводов¹⁸, а также охотников.

Столько дивных садов, но они без оград!
И без пастырей столько кочующих стад!
Сотни тысяч овец на равнине отлогой
И в горах! Но людей не встречал я дорогой

---

¹⁴ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 109—111. «Дикие люди» описаны и Марвази (V. Minorsky. Op. cit., p. 31).

¹⁵ V. Minorsky. Hudud al-'Alam, p. 97.

¹⁶ P. A. Jaubert. Op. cit., p. 501.

¹⁷ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М., 1951; Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), Абакан, 1948; В. П. Левашева. Из далекого прошлого южной части Красноярского края, Красноярск, 1939; Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв.

¹⁸ Наличие плодовых садов из яблонь и ягодников на Среднем Енисее в IX—XII вв., при учете постоянных связей со Средней Азией, вполне вероятно. В климатических условиях Хакасско-Минусинской котловины русское садоводство и бахчеводство известно уже со времени присоединения этих земель в начале XVIII в.

— удивляется Искендер. Отвечая ему, жители страны рассказывают:

Не в чести ни замки, ни засовы у нас.
Без охраны быки и коровы у нас...
Сеем мы семена в должный день, в должный час
И вверяем их небу, кормящему нас.
Что ж нам делать затем? В этом нету вопроса.
В дни страды ячменя будет много и проса:
С дня посева полгода минует, и знай,
Сам — семьсот со всего мы сберем урожай...
Серн, онагров, газелей сюда иногда
Мы из степи берем, если в этом нужда.
Но пускай разной дичи уловится много,
Лишь потребная дичь отбирается строго.
Мы ненужную тварь отпускаем. Она
Снова бродит в степи, безмятежна, вольна.¹⁹

По Низами, древнехакасские горожане принимали Искендера в лазурном дворце, где на пышном столе блистали сосуды, вероятно, сделанные из ценных металлов:²⁰

Угощали они Искендера с мольбой,
Чтоб от них он потребовал снеди любой.
Принял царь угошенье. На светлые лица
Он взирал: хороша сих людей вереница!

«Светлые лица», на которые удивлялся Искендер, здесь не случайны, ведь и Гардизи подчеркивал, что у «киргизов» Енисея «красные волосы и белая кожа».²¹ Общеизвестно, что древние хакасы имели в VI—XIV вв. смешанный антропологический тип с преобладанием европеоидных признаков (рыжие волосы, белая кожа и голубые глаза)²².

Очевидно, что основные представления Низами о древнехакасском государстве покоятся на прочном фундаменте реальных сведений об этой стране, содержащихся в многочисленных историко-географических или естественно-научных трудах тех ученых восточного средневековья, которые в X—XII вв. писали свои сочинения на персидском или арабском языках. Поэтому, в отношении приводимого конкретного фактического материала,

¹⁹ Низами. Искендер-намэ, стр. 671 — 673.

²⁰ Ср. древнехакасские золотые и серебряные сосуды, найденные при раскопках на Енисее — С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, табл. 55 — 56.

²¹ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью, стр. 109.

²² Л. Р. Кызласов. К вопросу об этногенезе хакасов. «Уч. записки» Хакасского НИИЯЛИ, вып. VII, Абакан, 1959.

поэма Низами «Искендер-намэ» в известной мере сама может служить для нас историческим источником.

Таким образом, историческая эпоха, избранная Низами для описания похода на Енисей, вполне определена — это период X—XII веков, то есть эпоха расцвета древнехакасского государства. Можно ли уточнить дату этого похода? Казалось бы, она должна определяться «по сооружению» Искендером длинной оборонительной стены в Туве. Но следует принять во внимание, что хотя строительство этой стены уйгурами закончено в первой половине IX века (до 840 г., когда их разгромили древние хакасы)²³, сама обстановка похода и его маршрут, совпадающий с реальным маршрутом записанным Гардизи, соответствует времени после середины X века. Именно тогда ставка древнехакасского кагана уже была перенесена из Тувы на север от Саянского хребта²⁴.

Тува в это время, после освобождения от уйгурского засилья, входила в древнехакасское государство, которое вступило в эпоху расцвета. Память о строителях длинной стены к тому времени сгладилась, а сама глинобитная стена наполовину разрушилась (после почти тридцатилетней войны хакасов с уйгурами) и местами превратилась в длинный вал. Поэтому, проезжавшие здесь среднеазиатские купцы вполне могли, по аналогии с древними длинными валами Средней Азии, приписать ее сооружение великому Искендеру.

На этом кончается зафиксированная историей действительность в исследуемой части прекрасной поэмы «Искендер-намэ» и начинается не менее замечательная социальная утопия ее автора, которая далеко опередила его время. По Низами, в «стране Хирхиз» существовало идеальное общество, совершенное в отношении морали, культуры и социальной организации. Оно изумило «вечного скитальца» Искендера, обошедшего почти весь мир и только на склоне лет, в далекой северной стране, познавшего истину праведной жизни:

В мире благо живет. Ты о благе радей.
К миру благо идет лишь от этих людей...
Если правы они, ложь свою ты пойми!
Если люди они, нам ли зваться людьми?

²³ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена т. I, М., 1950, стр. 334 — 339 и 350 — 357.

²⁴—Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX — XII в. в.

Если б ведать я мог о народе прекрасном,
Не кружил бы по миру в стремленье напрасном...
Сей страны мудрецов я проникся бы правом,
Я бы мирно дышал в помышлении правом.

Оказывается сила жителей утопического «древнехакасского государства» не в вере, пророком которой являлся Искендер, а в новой общественной этике, в особом социальном устройстве их жизни. У них нет ни царя, ни правителей, ни насилия, ни рабства, ни частной собственности, ни стражи, ни воров. Люди счастливой страны все равны в правах и богатстве. Их общество зиждется на коллективном труде, дающем им всеобщее благосостояние. У них общественные пашни и, очевидно, общие орудия труда. Отношения между членами этого идеального общества основаны на братской взаимопомощи, верности долгу, правдолюбию и полным отсутствию обмана и лжи.

Старейшины справедливой страны объясняют Искендеру:

Если кто-то из нас в недостатке большим
Или малом и если мы знаем о том,
Всем поделимся с ним. Мы считаем законом,
Чтоб никто и ни в чем не знаком был с уроном.
Мы имуществом нашим друг другу равны.
Равномерно богатства всем нам вручены.
В этой жизни мы все одинаково значим,
И у нас не смеются над чьим-либо плачем.
Мы не знаем воров; нам охрана в горах
Не нужна. Перед чем нам испытывать страх?
Не пойдет на грабеж нашей местности житель.
Ниоткуда в наш край не проникнет грабитель...
Не научены мы, о великий, злословью.
Мы прощаем людей, к ним приходим с любовью.
Коль не справится кто-либо с делом своим,
Мы советов благих от него не таим.
Не укажем дорог мы сомнительных людям.
Нет смутьянов у нас, крови лить мы не будем.
Делит горе друг с другом вся наша семья.
Мы и в радости каждой — друг другу друзья.
Серебра мы не ценим и золота — тоже,
Здесь они не в ходу и песка не дороже...

Секрет долголетия в «стране мудрецов» совпадает с требованиями медицины нашего XX века и состоит он в умеренном приеме пищи и питья:

Угождения чрева не чтя никакого,
Мы не против напитков, не против жаркого.
Надо есть за столом, но не досыта есть.
Этот навык у всех в нашем городе есть.
Юный здесь не умрет. Нет здесь этой невзгоды.

Здесь умрет лишь проживший несчетные годы.
Слез над мертвым не лить — наш всегдашний завет—
Ведь от смертного дня в мире снадобья нет.
Мы не скажем в лицо неправдивого слова,
За спиной ничего мы не скажем иного.
Мы скромны, мы чужих не касаемся дел.
Не шумим, если кто-либо лишнее съел.
Мы и зло и добро принимаем не споря:
Предначертаны дни и веселья и горя.²⁵

Пораженный Искендер возвращается от «прекрасного народа» с мыслью устроить подобные порядки на всей земле, но неожиданная смерть героя не позволила осуществить благие устремления.

Такова вкратце утопическая часть поэмы, еще нуждающаяся в специальном исследовании. Мы видим, что Низами, в своей философской концепции о справедливом обществе, поднялся выше наивных потрешительских утопий древности, перешагнул через догмы ислама и явился непосредственным предтечей социалистов-утопистов нового времени.

Следует остановиться на вопросе, который вызывал справедливое недоумение М. Шагинян. Как случилось, что «мы столкнулись у Низами с совершенно оригинальной трактовкой древнего сюжета, не имеющей аналогов в других письменных источниках: Низами резко порвав с существовавшими в его время традициями, перенес географический центр «утопии» из Индии на север?»²⁶

Почему именно на Енисее в земле древних хакасов Низами поместил идеальную страну? На этот вопрос трудно ответить. Безусловно, ни в древности, ни в средневековье, «золотого века» на Енисее не было. В VI веке здесь возникло классовое общество и зародилось государство древних хакасов. К IX веку в нем уже сложились феодальные отношения. В X—XII веках это было государство с высоким уровнем экономического и культурного развития, имевшее обширные торговые и посольские связи²⁷.

Вероятно, слава о необыкновенных земледельцах и скотоводах, создавших на далеком севере своеобразную высокую цивилизацию, породила идеализацию этого общества. По представлению ученых мусульманского мира, эта страна процветала где-

²⁵ Низами. Искендер-намэ, стр. 672 — 675.

²⁶ М. Шагинян. «Утопия» Низами, стр. 273.

²⁷ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири; Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX — XII в. в.

то почти на краю света, за далекими пустынями и многочисленными горными хребтами. Дальше в северных плоских равнинах бродили в полутьме лишь дикари-яджуджи, кровожадные и схожие с дикими зверями:

За грядой этих гор, за грядой высокой
Страшный край растянулся равниной широкой.
Там народ по названию яджудж. Словно мы
Он породы людской, но исчадием тьмы
Ты сочтешь его сам. Словно волки, когтисты
Эти дивы, свирепы они и плечисты.
Их тела в волосах от макушки до пят,
Все лицо в волосах. Эти джины вопят
И рычат, рвут зубами и режут клыками.
Их косматые лапы не схожи с руками.

Можно предположить также, что Низами натолкнули на местоположение утопической страны какие-то сюжеты, дошедшие до него непосредственно из древнехакасской литературы или же фольклора. Мы мало знаем о самобытной литературе и о фольклоре средневековых хакасов, и потому нередко не принимаем их во внимание. А ведь именно в них могли содержаться сказочные сюжеты, в которых были выражены утопические чаяния народа о счастливом обществе равноправных людей.

Благодаря анализу сохранившихся древнехакасских эпитафий, написанных на тюркоязычной енисейской письменности, было показано, что у древних хакасов существовала самобытная поэзия и своя литературная традиция. Сохранившиеся тексты оказались образцами эпитафийной лирики²⁸.

С другой стороны, известны некоторые, к сожалению до сих пор еще не собранные и не исследованные, фрагменты из произведений древнехакасской литературы или фольклора, сохранившиеся в записи иноязычных средневековых авторов. Ближайший пример — описание фантастического путешествия на лодке одного хакаса («кыргыза») в страну великанов, содержащееся в книге среднеазиатского арабоязычного автора Шарафа Марвази (начало XII века)²⁹.

²⁸ И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI — VIII веков, М., 1965. Датировка автора для енисейских текстов неточна — см. Л. Р. Кызласов. О датировке памятников енисейской письменности. «Советская археология», 1965, № 3; его же. Новая датировка памятников енисейской письменности. «Советская археология», 1960, № 3.

²⁹ V. Minorsky. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India, London, 1942, p. 30. Запись этого же рассказа повторена автором XIII в. Ауфи (см. В. В. Бартольд. Киргизы, стр. 24).

Если древнехакасское сказание дошло до Марвази, то аналогичное произведение, но с иным сюжетом, могло прийти в записи и до Низами. Ведь вся его поэма «Искендер-намэ» пропитана фольклорными сюжетами, часть которых безусловно заимствована из устных преданий или письменных литератур других народов, особенно в описаниях тех отдаленных стран, до которых доходил в своих походах его герой Искендер.
